

возникает потребность в адекватном противодействии в информационной сфере, а в идеальной ситуации и в цифровом пространстве тоже. Первой рекомендацией по противодействию подобным информационным кампаниям может быть планомерное и широкомасштабное информирование о ДЭГ, его возможностях и применении в текущих электоральных кампаниях. Меры должны осуществляться перманентно, чтобы не создавать информационный вакуум, который может быть заполнен негативным контентом. Второй рекомендацией может являться то, что информирование должно осуществляться из многих (в идеальных условиях из всех) источников информации. Это важно как в вопросах широкого количественного охвата, так и в необходимости охвата наибольшего количества категорий населения. Третья рекомендация будет носить не только информационный, но и технический характер, а именно, то, что государство должно сохранять (или создавать) за собой позицию конечного модератора, который бы сохранял возможность блокировать негативный контент в рамках законодательного поля.

Таким образом, применение ДЭГ само по себе не отражается в факторе информационной войны (за исключением пока слабо ощущаемых политехнологических сдвигов по привлечению и созданию лояльного электората, который бы использовал лишь ДЭГ), а вот инфоповод или информационная кампания (чаще всего негативная) становятся существенным фактором информационных войн в тех странах, где применяется ДЭГ.

Источники

1. Баранов, Н. А. От недоверия – к легитимации: трудный путь цифровых электоральных технологий на примере России / Н. А. Баранов // Вестн. Росс. ун-та дружбы народов. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24, № 3. – С. 433–446.

2. Федоров, В. И. Возвращение электронного голосования на парламентских выборах в Швейцарии в 2023 году / В. И. Федоров // PolitBook. – 2024. – № 2. – С. 77–92.

*А.Б. Гончаров, нач. каф. идеолог. работы и соц. наук
ВАРБ (Минск)*

РОЛЬ И МЕСТО ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН В СИСТЕМЕ «НЕКЛАССИЧЕСКОГО» ПРОТИВОБОРСТВА

Большинство развитых стран имеют или создают специальные структуры, предназначенные для информационного противоборства (информационной, информационно-психологической защиты своих войск и воздействия на войска противника).

Вполне закономерно, Военной доктриной Республики Беларусь [1], утвержденной в 2024 г., предусмотрены меры для недопущения эскалации военных опасностей и предотвращения военных конфликтов.

Вместе с тем, современный этап развития общества и систем безопасности диктует необходимость нового прочтения роли информации и информационных технологий в противостоянии.

Конец прошлого века ознаменован принципиально новым феноменом противоборства между государствами и иными геополитическими субъектами, когда главным полем противостояний становится состояние и качество сознания людей. Именно сознание является ныне не метафорой, а точно рассчитываемым предметом воздействия и оперирования. Сегодня проблемы формирования сознания людей можно рассматривать только в контексте противоборства в сфере смыслов вне зависимости от того, как и какими терминами оно характеризуется. Вместе с тем, главная проблема заключается в другом – рассматривать сегодня идеологическую, информационную, психологическую борьбу и иные виды борьбы только лишь как обеспечивающие подсистемы вооруженной борьбы – значит не видеть глубочайших изменений, произошедших, в сущности, войны и самой вооруженной борьбы.

Нетрадиционные виды противоборства давно уже вышли за рамки только обеспечивающих подсистем вооруженной борьбы.

Опыт Холодной войны показал, что традиционных для войны целей уничтожения противника можно добиться и не огневыми средствами, причем с гораздо большим разрушительным эффектом. Но Холодную войну не признавали войной, так как судили на основании критерия средств, а не критерия цели [5, с. 341].

С середины 1990-х гг. в научной литературе используется термин консциентальная война (от лат. слова – «сознание») [6; 8].

В самом общем плане сознание понимается как высший уровень духовной активности человека, заключающийся в отражении реальности в форме чувственных и мыслительных образов, предвосхищающих практически действия человека. При этом объективный мир отражается в виде представлений, мыслей, идей и других феноменов, образующих содержание сознания. Разрушить или исказить процесс отражения реальности, а значит и феномены, образующие содержание сознания с целью изменить поведение не только человека, но и общностей, этносов, населения целых государств – одна из целей соответствующего противоборства.

Таким образом, под консциентальной (информационной) войной или войной в сфере смыслов, следует понимать войну психологическую по форме, цивилизационную по содержанию и информационную по средствам, в которой объектом поражения является сознание людей с целью уничтожения или деформации интеллектуального ресурса нации и разрушения ценностных

установок населения. Учитывая непосредственную связь ценностных установок человека с культурой его народа, можно сказать, что в консциентальной войне уничтожается именно культура.

Консциентальная война – это высший уровень противоборства. В данном случае информационная борьба рассматривается в широком смысле слова как непреходящее явление, присущее человеческому обществу с момента его возникновения.

Одновременно возникла необходимость введения нового термина – «информационно-психологическая война» и применительно к сфере военного противоборства. Причем, как пишет А.В. Манойло [9], данный термин, будучи по существу публицистическим, уже прочно вошел в научные труды и нормативные документы.

Главной особенностью событий лета 2020 г. явилось применение противником (вещи нужно называть своими именами) всей совокупности технологий конфликтной мобилизации и координации, что радикально изменило традиционную тактику действий оппонентов власти.

Это была не «революция через социальные сети», которая в 2011 г. буквально за месяц охватила Египет. В Беларуси попытки реализовывать такие же технологии смены власти в 2012 г. были сорваны буквально в течение нескольких недель.

В 2020 г. события развивались совершенно по иным сценариям.

Впервые в ходе электоральной кампании традиционная оппозиция и их лидеры оказались на обочине политического процесса. Ее место заняли, лишь на первый взгляд, новые фигуры, формально на первом этапе дистанцирующиеся от традиционных политических лозунгов оппозиции.

Впервые в ходе выборной кампании осуществлена синхронизация сетевых коммуникационных систем (мессенджеры и группы в соцсетях) с функциональными центрами оппозиции для захвата уличного пространства.

Впервые выборы в Беларуси осуществлялись в условиях, когда важнейшей из соцсетей стал Telegram, а в целом социальные медиа активно использовались не столько в качестве универсального инструмента мобилизации протестного электората, а как инструмент управления и координации протестных действий.

Мы испытали на себе действие самых современных технологий гибридной войны. Белорусы все чаще спрашивают: «Так что, воевать будем?» ... Мы уже давно воюем. Просто война приобрела другие формы...» [7]. Эти слова Президента Беларуси наиболее полно отражает обстановку.

Все это – те условия, в которых находится Республика Беларусь.

Соответственно, приоритетное внимание необходимо уделить комплексной работе по формированию сознания граждан, особенно будущей элиты, с учетом

опасности проникновения в повседневную жизнь псевдокультуры, примитивных моделей поведения, ведущих к нравственной деградации.

Основные пути решения соответствующих проблем в контексте задач обеспечения национальной безопасности связаны с:

– разработкой методологических основ обеспечения защиты граждан от последствий глобальных социокультурных трансформаций при должном развитии социально-гуманитарных наук [2], активизацией фундаментальных и прикладных военно-социологических, психологических и педагогических исследований в интересах обеспечения национальной безопасности;

– усилением взаимодействия государственных органов управления с республиканскими центрами, занимающимися исследованиями в социально-гуманитарной сфере, региональными научными и научно-исследовательскими учреждениями, соответствующими кафедрами с целью использования опыта белорусской социологической, психологической и педагогической школ в интересах решения задач обеспечения безопасности в информационной и социальной сферах;

– принятием мер по повышению психолого-педагогической культуры кадров, укреплению и усилению научного потенциала кафедр социально-гуманитарных наук.

При этом необходимо учитывать следующее:

1. Критерием современной войны являются не средства, а достигнутые цели.

2. Изменение сущности войны означает, что сегодня как никогда национальная безопасность государства зависит от всех ее составляющих.

3. Обороноспособность в современных условиях предполагает тотальную политическую отмобилизованность всего народа, умение каждого соотносить свою повседневную деятельность, свой образ мыслей с общей военной (с учетом изменения сущности войны) целью.

4. В современных условиях и в обозримом будущем в мире наиболее вероятно будут господствовать тенденции конфронтационного пути развития мирового сообщества.

5. Наибольшую опасность для национальных государств представляют типы войн, к которым ведущим компонентом выступают информационные составляющие и сетевые модели действий [3; 4].

6. Подобно тому, что война вообще есть продолжение политики иными насильственными средствами, так и информационная составляющая войны или самостоятельная информационная война есть продолжение политики.

7. Применительно к обеспечению военной безопасности Вооруженные Силы являются не столько инструментом ведения войны, а важнейшим фактором ее недопущения, фактором сдерживания.

Именно отсюда вытекают три объекта в целом идеологической, в том числе информационной работы: международная общественность, население страны, военнослужащие. Подобные подходы вполне применимы к иным системам обеспечения национальной безопасности, а также государственным органам и организациям в проведении идеологической работы.

Источники

1. Военная доктрина Республики Беларусь : решение Всебелорусского народного собрания, 25 апр. 2024 г., № 6. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2024. – 64 с.

2. Гончаров, А. Б. Глобальное противоборство как борьба идей: актуальные аспекты развития социогуманитарного знания / А. Б. Гончаров, В. М. Макаров // Идеологические аспекты военной безопасности. – 2024. – № 1. – С. 6–11.

3. Горбачев, Ю. Е. Сетецентрическая война: миф и реальность / Ю. Е. Горбачев // Военная мысль. – 2006. – №1. – С. 66–76.

4. Грачева, Т. Мифы патриотов / Т. Грачева. – М. : Фонд «Русский предприниматель», 2006. – 320 с.

5. Грачева, Т. В. Постигание войны: мятеж как состояние души, цель и способ воевания / Т. В. Грачева // Всемирная мятежевойна / ред. Е. Э. Месснер. – Жуковский ; М., 2004. – С. 325–440.

6. Громыко, Ю. Оружие, поражающее сознание, – что это такое? / Ю. Громыко // Кому будет принадлежать консциентальное оружие в XXI веке? / ред. Ю. Громыко – М., 1997. – С. 7–8;

7. Лукашенко, А. Г. Мы родную землю, независимость и суверенитет никому не отдадим! Выступление Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко в мемориальном комплексе «Брестская крепость-герой» 22 июня 2021 г. / А.Г. Лукашенко // СБ – Беларусь сегодня. – 2021. – 23 июня. – С. 1–3.

8. Макаров, В. М. Консциентальная война: миф или реальность? / В. М. Макаров // Наука и военная безопасность. – № 2. – 2003. – С. 18–22.

9. Манойло, А. В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта / А.В. Манойло // Информационные технологии и безопасность: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Киев, 13–18 июня 2005 г. / Ин-т проблем регистрации информации Национ. акад. наук Украины ; редкол.: А. Г. Додонов, Е. С. Горбачик, М. Г. Кузнецова. – Киев, 2005. – Вып. 8. – С. 73–80.